

ЮЛИЯ ЧЕРНОВА

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Юлия Чернова

Главная роль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25572702

Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2017

Аннотация

Кто не видел знаменитой колонны Траяна – хотя бы по телевизору или на открытках? Итальянцы очень ею гордятся. Но они не подозревают, что колонна появилась благодаря нашему соотечественнику. Безработный актер Максим попал в прошлое и не растерялся: был гладиатором, возглавил заговор против императора Домициана, привел к власти императора Траяна. Правда, никто из римлян не потрудился прославить Максима. Сделаем это в данной книге.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Юлия Чернова

Главная роль

Советским актерам посвящается

*Есть только тот мир, в котором ты действуешь. Только он для тебя реален. Художник сам, своею игрой преобразует его в реальность. Если ты сумеешь сделать это, ты станешь актером...
Александр Горбовский, «По системе Станиславского»*

*Мне, неведомый зритель мой, братом стань:
В наших жилах общая кровь.
Этот ситцевый занавес – хрупкая грань
Двух знакомых, похожих миров.
Никогда не прервется их разговор
Языком огней или нот.
Ты сегодня зритель, а я – актер,
Завтра будет наоборот.*

Екатерина Ачилова

* * *

Первым его вопросом было:
– Какой это город?
Потом:

– Какая страна?

И, наконец:

– Какое время?!!

Под ногами блестел песок. Ровный, плотный, утоптаный. Над головой простиралось синее небо. Такого цвета Максим не видел нигде и никогда. Даже на юге, даже в горах, куда ходил в походы. Небо завораживало. Настоящая, ни с чем не сравнимая синь. Он вдохнул – и закашлялся. Воздух был не просто чистым или свежим, насыщенным сотнями ароматов. Он был таким острым, таким плотным, что раздирал легкие. После нескольких глубоких вдохов начала кружиться голова. Таким воздухом не могли похвастаться даже алтайские деревушки, не говоря уже о задымленных городах! Максим, конечно, не бывал в джунглях Амазонки, но подозревал, что подобного изобилия кислорода и там нет.

Максим потрясенно озирался. Вокруг амфитеатром поднимались скамьи, сплошь заполненные народом. Люди толпились даже в проходах. Мужчины, женщины, дети, старики. Пестрели одеяния – синие, зеленые, красные, черные, желтые. Но преобладал, пожалуй, белый цвет. Или так казалось, потому что в белое были облачены зрители, сидевшие ближе всего к мраморному барьеру? Точнее, зрительницы. Пять или шесть девушек, расположившихся особняком. Молодые и миловидные, особенно одна, рыженькая, прижавшая ладони к щекам. Она приоткрыла рот, точно ребенок, захваченный невиданным зрелищем.

Остальные места в первом, втором и третьем рядах занимали только мужчины, также, впрочем, одетые в белое. Но вот полоса белых одежд прерывалась. Невысокая балюстрада отделяла просторную ложу. В ложе помещалась не скамья, а кушетка, и на ней – грузный мужчина, облаченный в пурпур. За его спиной стояли несколько человек. Поблескивали воинские доспехи.

Максим продолжал оглядываться. Видел лица. Сотни, тысячи лиц, расширившиеся глаза, раскрытые рты. Ловил устремленные со всех сторон взгляды.

Неужели толпа собралась ради его скромной персоны? Бесспорно! Зрители указывали на него пальцами и кричали. Точнее, кричали, вопили, орали, визжали...

Приветствовали его? Или освистывали? Максим понять не мог.

Представил себя со стороны. На лице – слой грима. Светлые волосы коротко подстрижены (не нашлось подходящего парика, и в последний момент парикмахер просто наскоро обкорнал Максима). На запястьях – жестяные браслеты, раскрашенные золотой краской. Одет в серую тряпку, именуемую туникой¹. Поверх туники – панцирь, то есть, другая

¹ Туника – повседневная одежда римлян, род рубашки из шерстяных и льняных тканей различных цветов. Могла быть с рукавами и без рукавов, длиной до колен или до щиколоток. Тунику с двумя широкими пурпурными полосами носили сенаторы, с одной или двумя узкими полосами – всадники. Туника обязательно подпоясывалась, иначе считалась нижним бельем. Женщины носили длинную тунику, поверх надевали столу (длинное просторное платье), девушки – еще одну

тряпка, разрисованная серебряными чешуйками.

Прямо сказать – зрелище посредственное. И никак не объясняет исступления публики.

В это мгновение зрители в едином порыве сорвались с мест. Теперь они голосили, указывая куда-то за спину Максима. Тот оглянулся. Распахнулись массивные ворота, и на арену великолепным прыжком выскочил лев.

Арена?! Лев?! Максим покрылся холодным потом. Что же это? Где он?! В Древнем Риме?! Не может быть! Сон! Бред!

Под ногами скрипел песок, солнце слепило глаза, рокотала толпа. Наяву.

Он в Древнем Риме! Но, как он попал сюда?!

Этого Максим не знал. Конечно, в детстве мечтал изобрести Машину Времени. Жаждал путешествовать по эпохам. А сейчас рвался вернуться домой. Но, увы, Машины Времени не было. Он ведь ее так и не изобрел!

Максим не понимал, как перенесся в прошлое.

Провалился. Да, больше всего это было похоже на падение с высоты. Раздвинулся занавес, зажглись прожектора – точно фиолетовая молния вспорола темноту зрительного зала, и Максим выступил на сцену со словами: «Ave, Caesar, imperator, morituri te salutant! – Здравствуй, Цезарь², император, идущие на смерть приветствуют тебя!» Это были его единственные слова в пьесе, и Максим готовился произнести

тунику, более короткую.

² Цезарь – со времени Октавиана Августа – титул всех римск. императоров.

их так, чтобы навек запечатлеть в памяти зрителей. Разумеется, заканчивая театральный институт, он мечтал не о фразах типа: «Кушать подано», а о монологах Гамлета и Бориса Годунова. Но так уж ему повезло, что окончание института совпало с кончиной Искусства, и с тех пор ему неизменно предлагали роли бандитов в сценариях, которые писали отнюдь не Шекспиров.

Максим работал грузчиком и слесарем, шофером и столяром. Он бы охотно сыграл и грузчика, и слесаря, и шофера, и столяра, и пекаря, и токаря, но героями дня неизменно оставались бандиты.

Поэтому в тридцать два года Максим ухватился за коротенький эпизод в исторической пьесе с восторгом, какой в двадцать два не испытал бы, даже получив главную роль.

Он любую работу выполнял добросовестно, а Театр любил пламенно, потому за время постановки перечитал все, что мог, о Древнем Риме, досконально изучил римские залы в Эрмитаже и... вышел на сцену.

Максим всегда выступал за реализм в искусстве.

Но не до такой же степени!!!

Лев остановился, встряхнулся, повел носом. Медленно потянул задние лапы. Затем изогнулся и потянул передние, в восхитительном зевке обнажил клыки. Ударил себя хвостом по бокам. И начал приближаться.

Максим повернулся в другую сторону. Из противоположных ворот вырвался воин с занесенным мечом, наряженный

весьма живописно. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки. (Если не считать, конечно, всклокоченных волос и бороды). «Гладиатор? Нет, бестиарий – боец с дикими зверями». Впрочем, точность названий сейчас вряд ли была важна.

Максим стоял как раз посередине между бестиарием и львом. И, похоже, чем-то раздражал обоих. Во всяком случае, бестиарий закричал, а лев зарычал. Максим бросился к барьеру, ограждавшему места для зрителей. Слишком высоко – не допрыгнуть!

Лев был уже совсем рядом и готовился напасть. Цирк взревел. Рыженькая девушка в первом ряду («Непорочная весталка³», – осенило Максима) завизжала и упала в обморок. Подобной чувствительности в римлянках он не предполагал.

Максим развернулся к зверю кормой, опустил на четвереньки и стремительно принялся рыть арену. Кажется, этот трюк он видел в «Цирке». Песок был сухой, поддавался легко. Потом начался слой земли, копать стало труднее, мелкие камешки расцарапывали ладони, забивались под ногти. Максим не чувствовал. Исступленно разрывал землю. На льва обрушился песчаный смерч. Зверь от удивления осел на задние лапы.

³ Весталки – жрицы Весты, богини домашнего очага, поддерживавшие вечный огонь в ее храме, отбирались из девочек 6-10 лет, должны были 30 лет служить в храме и блюсти обет целомудрия.

Максим выпрямился и швырнул горсть земли в лицо подбегавшего бестиария. Боец споткнулся и рухнул ничком.

Цирк снова взревел. Весталка пришла в себя и, сорвав с головы венок, швырнула Максиму. Венок угодил точно в нос. У зверя сдали нервы. Поджав хвост, царь зверей побежал прочь с арены. Цирковые служители, обязанные разъярять зверей ударами копий и натравливать на бойцов, от растерянности расступились, и лев укрылся в клетке.

Поистине, такого короткого и победоносного сражения Рим еще не видывал. О подобных овациях актер Максим не смел и мечтать. Стоял, обливаясь потом. На зубах скрипел песок. По лицу расплывался размытый потом грим.

Как-то он сообразил, что поклониться следует прежде всего мраморной ложе, точнее, грузному человеку в пурпуре и золотом венце. В ответ венценосец зевнул. Кажется, он был единственным, кого не взволновало происшедшее. «Такого и Станиславский не растрогал бы», – заключил Максим себе в утешение. И перенес благосклонное внимание на весталку. Отвечая на улыбки девушки, Максим испытывал смутное беспокойство. Тревожился, не провалится ли из-за его отсутствия премьера в театре.

Крики восторга не смолкали, и начитанный Максим уже видел себя вторым Спартаксом, освобожденным за доблесть. Увы! Римляне не читали Джованьоли. Не успел Максим насладиться триумфом, как полуголые рабы схватили его под руки и уволокли с арены. В низком коридоре, освещенном

чадящими факелами, рабы заспорили. Одни тянули к ближайшим дверям, другие возражали. На мгновение двери приоткрылись, поднялась волна удушливой вони, выкатился клубок тел. Максиму почудилось, будто цирковые служители гонят впереди себя каких-то зверей. Потом увидел: извивались люди, наряженные в звериные шкуры. Их выпихивали на арену. Представление продолжалось.

Максим прислонился к стене, ужаснувшись происходящему. Долго стоять ему не дали. Рабы, договорившись, втокнули Максима в другую дверь. Он оказался в низкой, полутемной камере, заполненной людьми. Дверь захлопнулась. Мужчины, сидевшие у входа, мельком взглянули на него и продолжали прерванный разговор. Остальные и вовсе не обратили на Максима внимания. Он осторожно выпрямился – головой коснулся кирпичного потолка. Огляделся. Собравшиеся были как на подбор – крепкие, стройные, мускулистые. Максим и сам не мог пожаловаться на рост и сложение, но от этих людей исходило ощущение первобытной силы, делавшее их похожими на выходцев из разных племен и народов. «Вот там, у стены, здоровенный негр, родившийся где-нибудь за третьим нильским порогом. Рядом, невысокий, рыжий как огонь – возможно, финикиянин. В углу, подвижный, смуглый, гибкий – скорее всего, египтянин». Одни разговаривали и смеялись, как показалось Максиму, нарочито громко. Другие, напротив, сидели в молчании, угрюмо глядя прямо перед собой. Юноша, опустившийся на охап-

ку соломы подле крохотного оконца, уронил голову на скрещенные руки.

Внезапно слышались звуки труб и флейт, барабанная дробь. Юноша вскинул голову, вскочил. Поднялись на ноги и остальные. Смеха уже не было. Суровые, напряженные лица. Лица бойцов.

Максим хлопнул себя ладонью по лбу. «Гладиаторы!»

Бойцы спешно выстраивались, а Максим с недоумением разглядывал пурпурные плащи и перевязи, посеребренные рукояти мечей, шлемы, украшенные павлиньими и страусовыми перьями. Ему не приходило в голову, что гладиаторы носят императорское облачение.

Двери распахнулись. Гладиаторы сомкнутым строем промаршировали на арену. До Максима донесся отзвук криков и рукоплесканий.

Нет, древний мир с каждой минутой нравился ему все меньше.

Максим заметил стоявший в углу кувшин с водой, схватил, жадно отпил несколько глотков. «Как у них с эпидемиями чумы и холеры?» Затем он попытался смыть грим. Никак не мог вспомнить, в каком веке изобрели мыло. Решил обойтись землей и песком с пола. Частично смыл, частично стер грим краем туники. Тем и пришлось удовольствоваться.

Двери снова открылись, и в комнату, согнувшись, вошел давешний бестиарий. Огляделся, ухмыльнулся и направился напрямик к Максиму. Тот покрепче оперся спиной о сте-

ну. Снова хлопнула дверь, и влетел толстенный коротышка в серой тунике и кричаще-белом плаще. В руках коротышка сжимал плеть. Пролаял что-то высоким, срывающимся на визг голосом. Указал рукоятью плети на бестиария и продолжал бушевать. Несомненно, это был ланиста, хозяин школы гладиаторов. Речи его предназначались для Максима и были ясны без перевода.

Мол, ланиста заплатил немислимые деньги за бойца. Да! Для того, чтобы боец сражался, а не валялся носом вниз на арене. А тут кто-то вздумал устроить представление на свой лад! Не спросив позволения! И крепко за это поплатится!

Он развернул плеть и кивнул бестиарию. Бестиарий сжал кулаки.

Максим оттолкнулся от стены. Скрестил на груди руки. Чуть прищурился. Посмотрел в глаза одному... другому... (Точь-в-точь Николай Черкасов в роли Александра Невского. Сцена: жители новгородские челом бьют, просят Александра на княжение.)

Ланиста медленно опустил занесенную для удара руку. Кулаки бестиария разжались.

Максим слегка наклонил голову. И улыбнулся. (Тот же Черкасов, только уже в роли Ивана Грозного.)

Бестиарий отскочил. Менее проворный ланиста запутался в собственных ногах и с размаху сел на земляной пол.

Максим держал паузу. Ничего другого и не оставалось – латыни он не знал. Зато мог убедиться в правильности

наставлений режиссера: «Молчание порой красноречивей слов». Бестиарий отбежал к двери, ланиста отполз туда же на четвереньках.

Дверь отворилась. Ланиста уже готов был юркнуть в коридор, но вместо этого все так же на четвереньках попятился назад, к стене.

Вошли двое мужчин в красных туниках. На плечах несли связки прутьев, перевязанных алыми лентами. «Ликторы⁴, – сообразил Максим. – Предвещают появление важного лица». Следом за ликторами порог перешагнул высокий, осанистый мужчина в белом, отороченном пурпуром, одеянии. Максим еще со школьных лет усвоил, что одеяние называется тога⁵, а тогу с широкой пурпурной полосой носят сенаторы.

Сенатор согнул указательный палец. Ланиста поднялся с колен и подбежал рысцой. Сенатор разогнул палец и указал на Максима. Развернулся и вышел. Ланиста и бестиарий под-

⁴ Ликторы – должностные лица при высших магистратах, почетная охрана. Вооруженные фасциями (топор, вставленный в связку прутьев) ликторы сопровождали высших должностных лиц.

⁵ Тога – мужская накидка из шерстяной ткани, право носить ее имели только римские граждане. В эпоху ранней империи тога становится официальной одеждой, в повседневной жизни обходились без нее. Существовало несколько видов тоги: «чистая», без пурпурной каймы, для недолжностных лиц и молодежи; тога-претекста, с пурпурной каймой – для должностных лиц, жрецов, и свободно-рожденных детей до 16 лет; темная траурная; пурпурная, расшитая золотыми пальмовыми ветвями – для полководцев-триумфаторов; белоснежная – для претендентов на государственную должность.

хватили актера под руки и повлекли к дверям. Максим не сопротивлялся, ибо его явно выпроваживали из цирка, а хуже этого места в Древнем Риме – судя по книгам и фильмам – была только Мамертинская тюрьма.

И снова свежий воздух – острый и плотный. Невероятная синь неба. Максим запрокинул голову. «Древний мир! Мир без автомобилей, заводов, озоновых дыр! Вот почему воздух так немыслимо чист».

Ланиста и бестиарий волокли его вперед. Максим оглянулся и увидел за спиной арочный проем. Потом оглядел всю аркаду, над ней – еще одну, и еще. Постепенно охватил взглядом все величественное сооружение. Так часто видел это здание на картинках и фотографиях, что не мог не узнать.

«Колизей⁶. Я побывал в Колизее!»

Прочувствовать это по-настоящему Максим не успел. Не было времени осмыслить и пережить.

Цирк окружала толпа чуть ли не большая, чем скопилась внутри. Здесь собрались преимущественно мужчины и, опять же, рослые и крепкие. Разбившись на группы по шесть-восемь человек, они беспечно болтали. Максим сообразил: рабы дожидаются своих хозяев. Сиятельные патриции и гордые весталки прибыли в цирк в паланкинах. Теперь ра-

⁶ Амфитеатр Флавиев – (совр. Колизей) построен при императорах династии Флавиев, вмещал 50000 зрителей. В амфитеатре происходили гладиаторские бои и травли зверей.

бы толпились возле пустых носилок, готовясь доставить хозяев домой. Максим с любопытством разглядывал носилки: легкие сидения и лежа под балдахинами.

Удовлетворенно кивнул. В постановке «Юлия Цезаря» героя дважды выносили на сцену в паланкине. Театральный художник оказался знатоком своего дела, да и в мастерских потрудились на славу. Конечно, слоновую кость заменяла пластмасса, а серебро – фольга. И все же – теперь можно сказать наверняка – на сцене носилки смотрелись не хуже настоящих.

Кроме рабов, окончания игр дожидались и простолюдины. Те, кому не посчастливилось попасть в цирк. Судя по жестам, держали пари и ожидали известий о победителях. «Какое разочарование ждет всех, кто ставил на бестиария!»

В раззолоченном паланкине полулежала рыжая весталка. Взмахивала павлиньим пером, забавляя белую пушистую кошку. Кошка перевернулась на спину и лапками ловила кончик пера. Весталка щебетала что-то умилительно-восторженное.

К весталке почтительно и даже нежно склонился сенатор. Девушка вскинула голову, увидела Максима, просияла и выпалила длинную фразу. Голосок у нее был звонкий, пленительный. Максим заслушался. Весталка покраснела и прибавила еще несколько слов, из которых актер не понял ни единого.

Ответил сияющей улыбкой, прекрасно сознавая, что раз-

говор, состоящий из одних улыбок, не может долго занимать ветреную красавицу. Максим догадывался: весталка спрашивает, откуда он взялся на арене и где научился такому своеобразному способу ведения боя.

На уроках пантомимы Максим получал не худшие отметки. Живо изобразил, как увидел красавицу в цирке и выскочил на арену, желая удостоиться взгляда дивных глаз. Трудно ли убедить женщину, что мужчина ради нее готов на подвиг? Весталка зарделась еще пуще. Максим перехватил взгляд облаченного в тогу сенатора и догадался, что нажил врага.

Забытая кошка сердито кусала павлинье перо.

С пунцовых губ весталки срывался вопрос за вопросом. Максим надеялся, что угадывает хотя бы некоторые. Кто он? Из какой страны? Что делает в Риме?

Следовало немедленно сочинить биографию, да так ловко, чтобы не угодить под плети надсмотрщиков. От нынешней минуты зависела его дальнейшая судьба.

Судьба? Неужели он навек останется в Древнем Риме?

Ответа на этот вопрос не существовало. Предаваться отчаянию было некогда.

Возможно, останется. Что тогда? Максиму требовалось время: представить свою жизнь в чужом мире. Подумать о грозящих опасностях. Вообразить неожиданные радости. Ужаснуться или возликовать.

Весталка гладила рассерженную кошку и ждала ответа.

В тот же миг Максим узрел будущее – блистательное бу-

дущее для актера.

За кого бы он себя ни выдал, это будет новая роль! Роль, сыгранная не для одного, не для двух человек, даже не для целого зала! Кого бы ни изобразил – раба, солдата, вольноотпущенника – предстоит выступить перед всем древним миром!

У Максима захватило дыхание.

Он всегда считал жизнь сырьем для производства чего-то высшего, а именно – Искусства. Что, кроме бессмертных творений гения, оправдывает существование человечества? В самом деле, Спартаку стоило поднять восстание ради одного того, чтобы Джованьоли написал бессмертный роман, а Хачатурян – совершенную музыку. Максим вспомнил первые аккорды марша легионеров. Вообразил Мариса Лиепу в роли Красса... По спине пробежал холодок восторга.

Весталка нетерпеливо хлопнула в ладоши. Максим решился. Он чуть ссутулился и, прихрамывая, сделал несколько шагов усталой походкой человека, пришедшего издалека. Вскинул голову и застыл от изумления, узрев город на Семи холмах⁷. Храмы, статуи, фонтаны – все вызывало у чужака благоговейное изумление. Наконец, опомнившись, он

⁷ Рим располагался на семи холмах, называвшихся: Палатин, Авентин, Целий, Квиринал, Виминал, Эсквилин, Капитолий. На Палатине были возведены дворцы императоров: Августа, Тиберия, Калигулы, Нерона, Флавиев и других. Капитолий являлся политическим и культовым центром Рима, на одной из вершин этого холма находилась крепость, на другой – храмы Юпитера, Юноны и Минервы и монетный двор.

охлопал себя по бокам и принялся растерянно озираться. Пока любовался красотами Рима, какие-то ловкачи украли его нехитрые пожитки.

Рыжая весталка добродушно рассмеялась и требовательно сказала что-то патрицию. Тот принялся возражать, но весталка чуть сдвинула тонкие брови, и вопрос был решен. Сенатор знаками предложил незадачливому чужаку следовать за ним.

Максим вежливо поклонился, хотя принял приглашение без восторга. Гостеприимство патриция не внушало доверия. К сожалению, выбирать не приходилось.

Однако прежде, чем войти в дом возможного врага, следовало обзавестись другом. Максим отступил на шаг и положил руку на плечо бестиария, вместе с ланистой глазевшего на происходящее. Повернулся к весталке. Она терпеливо ждала. Максим судорожно искал в памяти подходящий пример. Вскоре его осенило (недаром штудировал мифы в изложении Куна).

Положил ладонь себе на грудь.

– Кастор.

Хлопнул бестиария по плечу.

– Поллукс.

Кастор и Поллукс, неразлучные братья-близнецы. Весталка должна была догадаться, что они с бестиарием друзья неразлей-вода, куда один, туда и другой. Весталка шевельнула пальчиками. Последовал живейший обмен репликами меж-

ду ней и сенатором, а затем – между сенатором и ланистой. Ланиста закатывал глаза, тыкал пальцами в мускулистые руки бестиария и явно набавлял цену, бестиарий хлопал глазами, сенатор багровел от гнева, а весталка улыбалась Максиму. Через несколько минут торг закончился. Ланиста подтолкнул бестиария к новому хозяину. Максим вздохнул с облегчением. Он избавил бестиария от угрозы преждевременной гибели на арене и приготовился принимать благодарность.

Бестиарий ухмыльнулся и легонько ткнул его кулаком в бок. Последнее, что увидел Максим – стремительно приближавшуюся мостовую.

* * *

Четверо рабов бодрым шагом несли носилки. Временами им приходилось сдерживать поступь и поднимать носилки над головой, такая толчея царила на улицах. Сенатор величаво плыл над толпой, временами взмахом руки приветствуя знакомых. Иногда оглядывался, проверяя, не затерялись ли в толпе бестиарий и чужеземец. Насмешливо думал, что на заполненных народом улицах чужеземцу придется несладко.

Максим ни на шаг не отставал от носилок сенатора. Торопливо пробирался в толпе, избегая столкновений. «Разве это давка? Вспомнить только пересадку «Невский проспект – Гостиный двор» в часы «пик».

Бестиарий ломился напрямик, полагаясь на силу и рост. Горожане осыпали его неистовой бранью. Вот он задел лоток торговца фруктами, яблоки и груши покатались под ноги прохожим и были тотчас растоптаны. Рассвирепевший торговец замахнулся на бестиария лотком. Бестиарий отпрянул, и торговец нечаянно выбил из рук горожанки кувшин с маслом. Кувшин разбился, масло вылилось, горожанка завизжала. На разлитом масле поскользнулись разносчик воды и солдат. Ближайшие прохожие для начала приняли холодный душ, затем получили зуботычины от разъяренного солдата. Завязалась драка. Сенатор с интересом наблюдал, приподнявшись на своем ложе. Бестиарий силой проложил себе дорогу. Максим проявил удивительную ловкость и выбрался из сумятицы невредимым. Бестиарий показал знаком, что оглох от криков. Максим пожал плечами. «Разве это шум? Пожил бы ты в доме с окнами на грузовую трассу».

Сенатор призадумался. Чужеземец оказался ловок и увертлив. Вел себя так, будто вырос в большом городе. «Откуда он явился? Из Афин или Александрии? Лишь эти города по числу жителей могут равняться с великим Римом. Нет, тогда бы он знал греческий язык. А если... если знает? И никакой он не чужеземец, а один из сотен шныряющих по городу доносчиков?»

Сенатор откинулся на подушки и приказал рабам идти побыстрее. Процессия вывернула на площадь, со всех сторон окруженную величественными зданиями. Впрочем, Максим

не сразу осознал, что попал именно на площадь. Свободного пространства здесь почти не было: колонны и статуи, статуи и колонны. Между ними текли бесконечные людские потоки.

Сенатор повелел остановиться возле одного из храмов – белые ступени вели к позолоченным дверям. Сенатор вошел по ступеням. Максиму и остальным пришлось дожидаться у входа.

Максим поднес ладонь к глазам. Рим! Короткое и звонкое слово, точно удар меча по щиту. Стоило произнести его, перед глазами вставали сцены из фильмов «Битва за Рим», «Падение Римской империи», «Камо грядеши», «Спартак», «Клеопатра». Максим нетерпеливо озирался, стараясь понять, насколько создатели фильмов приблизились к истине.

В студенческие годы ему довелось водить друзей-москвичей по Ленинграду. Разглядывая стрелку Васильевского острова, или Эрмитаж, или храм Спаса-на-Крови, они сдержанно замечали, что «все это знакомо, только на открытках выглядит наряднее».

Рим тоже казался Максиму смутно знакомым. Квадрига⁸ на крыше одного из храмов напоминала квадригу Александринского театра. Колонна, украшенная носами кораблей, могла считаться сестрой Ростральных колонн Васильевского острова. Небольшая арка вызывала в памяти образ Нарвских ворот. Портики⁹ храмов казались уменьшенными

⁸ Квадрига – беговая колесница с четырьмя запряженными в один ряд конями.

⁹ Порттик – открытая с одной стороны галерея на колоннах. Порттик предостав-

копиями преддверия Исаакиевского собора.

Но одно Максим вынужден был признать: Рим был прекраснее не на картинах, а в яви. «Разумеется, он ведь не забит машинами и не изуродован рекламными щитами».

Храмы тесно соседствовали друг с другом. Солнечный свет придавал мраморным стенам теплый, золотистый оттенок. Вдали на холмах виднелись другие храмы и дворцы.

Тут Максим впервые призадумался, в какое время попал. Древний Рим просуществовал более десяти веков. Точных дат Максим не помнил, но один факт запал в душу: последнего императора звали так же, как и основателя Рима: Ромул.

«Надеюсь, полчища вандалов¹⁰ вторгнутся еще не сегодня?»

Нет, в самом деле, любопытно: застал он расцвет или закат империи? От этого зависит его судьба. Одно дело – жить в процветающей стране, и совсем другое...

Как узнать – если не точный год, то хотя бы век? Расспросы не помогут. Во-первых, он не знает латыни. Во-вторых, здесь наверняка не принята система счета от Рождества Христова. В-третьих, насколько он помнит, римляне обозначают года по времени правления тех или иных консулов¹¹.

лял защиту от солнца и одновременно освещался проникающим светом.

¹⁰ Вандалы – вост. – германское племя, в 455 г. н. э. вандалы разграбили Рим.

¹¹ Консул – высшая государственная должность в Риме. Во времена республики народное собрание ежегодно выбирало двух консулов, им принадлежала вся гражданская и военная власть. В эпоху империи консулов назначал император, эта должность утратила свое фактическое значение, но давала возможность

«Стоп. Раз существуют весталки, то Рим еще языческий. Нужно выяснить, кто нынче император». Максим не сомневался, что попал во времена Империи, а не Республики. Слишком выразительна была фигура в мраморной ложе. Конечно, он не помнит всех римских правителей. Но вдруг услышит знакомое имя?

Надо расспросить бестиария.

Максим повернулся и обнаружил, что бестиарий расположился на ступенях, в тени колонны. Сидя в холодке, с интересом наблюдал, как Максим топчется на солнце. Перехватив взгляд актера, бестиарий указал на небо и непочтительно постучал пальцем по голове.

– Ты прав, – сказал Максим, присаживаясь рядом и тыльной стороной ладони вытирая лицо. – Жарко.

Бестиарий хмыкнул, что, вероятно, означало: «Неужели?! А я думал – стужа».

– Слушай, – начал Максим. – Слово «Цезарь» ты должен понять.

И он медленно, по буквам повторил:

– Ц-Е-З-А-Р-Ь.

Бровями изобразил вопрос.

Бестиарий смотрел с возрастающим любопытством, но молчал. Максим почесал в затылке, припомнил споры мос-

продвижения по военной и государственной службе. Внешними атрибутами консульской власти являлась тога с пурпурной каймой, особое кресло из слоновой кости, почетная свита из 12-ти ликторов. В рим. системе летоисчисления годы обозначались именами консулов данного года.

ковских и ленинградских латинистов и произнес иначе:

– Кесарь. К-Е-С-А-Р-Ь.

Бестиарий явно не понимал. Максим вскочил на ноги, энергично взмахнул рукой, прошелся по ступеням, небрежно кивая головой направо и налево. Остановился, склонил голову набок, точно внимая восторженному реву черни. (Копировал Михаила Ульянова в «Антонии и Клеопатре».) Посмотрел на бестиария – сообразил?

Бестиарий сообразил, да, видно, что-то не то. Повернулся спиной. Зато рабы сенатора глядели на Максима во все глаза. И не просто глядели, а тревожно перешептывались.

«Надеюсь, не воображают, будто я переодетый властелин? Кажется, у Нерона была привычка бродить по ночам переодетым и колотить встречных. Нерон!» Максим мечтательно прикрыл глаза. Вот при ком сладко жилось актерам!

Он никогда не понимал, почему римляне, охотно смотревшие пьесы и не менее охотно их сочинявшие, презирали актеров. Один Нерон воздал должное их адскому труду. Потому что сам вышел на подмостки и понял, каково это – говорить с залом. Никогда актеры не были в такой чести, как при императоре Нероне.

Максим с размаху сел на ступеньки. Нет, он все-таки непроходимо глуп. Сам же сегодня побывал в Колизее. А Колизей построили уже после смерти Нерона, при Флавиях.

Как бы узнать, давно ли это случилось?

Максим хлопнул бестиария по плечу, заставив обернуть-

ся. Нарисовал в воздухе круг – арену. Выхватил из ножен воображаемый меч. (В конце-концов, «Спартак» смотрел не единожды.) Продолжить не успел. Кулак бестиария угрожающе взметнулся в воздух.

Максим заключил, что понимает древних значительно лучше, чем они – его. Бестиарий, потрясая кулаками, объяснял, почему в нынешнем бою потерпел поражение. И как намерен обойтись со всяким, кто поставит под сомнение его доблесть.

Максим безнадежно махнул рукой. Постоял, покачиваясь с пятки на носок. Затем, издав короткое восклицание, устремился вниз по ступенькам.

«На Форуме¹² непременно должна быть статуя императора!»

Следовало обойти площадь, внимательно рассмотреть изваяния. Максим нырнул в людской поток. Ему достаточно часто приходилось бывать в толпе, чтобы усвоить главный закон: не сопротивляться. Подхваченный потоком, он медленно двигался по площади. Задержался у высокого дерева. Кажется, это было единственное дерево на Форуме. Подле него возвышался бронзовый жертвенник. Максим тщетно пытался понять, чем дерево славно. У горожан оно явно

¹² Форум – городская площадь в Риме и др. городах, центр политической и культурной жизни. В Риме было несколько форумов. Наиболее известным был Форум, располагавшийся между Капитолием, Палатином и Эсквилином, украшенный колоннами, памятниками, триумфальными арками. К нему примыкали форумы, построенные императорами: Цезарем, Августом и Траяном.

не вызывало любопытства. Зато чужеземцы – их легко было отличить по покрою одежд – стояли, раскрыв рты. Бойкий курчавый паренек что-то рассказывал двум персам (или парфянам? Кто еще мог носить завитые мелкими кольцами иссиня-черные бороды?). Прозвучало имя «Ромул». Максима осенило. Вероятно, смоковница была посажена самим основателем Рима. Чернобородые иноземцы рвались задавать вопросы, но паренек уже умчался вперед. Подобно всем экскурсоводам предпочитал краткость.

Отойдя от дерева, Максим приблизился к ряду изваяний. Неторопливо переходил от одного к другому, вглядывался в мраморные и бронзовые лица. Увы, они казались совершенно незнакомыми. Надписи на постаментах помогали мало. Обо всех этих Дидиях, Туллиях, Серториях он никогда ничего не слышал.

Наконец его терпение было вознаграждено. Максим узрел мраморный бюст. Массивное лицо, высокий лоб, широкие дуги бровей, крупный нос, выющиеся, коротко подстриженные волосы. На полных губах мягкая улыбка. Император Тит Флавий.

На третьем курсе Максиму пришлось сыграть эту роль – в студенческой постановке «Тита и Береники». Автор пьесы уверял: главное, чем знаменит император, – неудачами в личной жизни. Максим не согласился с подобной трактовкой и приналег на сочинения историков. Выяснилось, что Тит прославился прежде всего как покоритель Иудеи.

Сейчас Максим отчаянно сожалел, что не проявил больше прилежания. Кажется, Тит правил недолго. Хорошо бы припомнить – в каком году умер? Или здравствует и поныне? Неужели правящему императору возведен столь незаметный памятник? Впрочем, Тит, кажется, был скромнен.

Максим пяtilся, не в силах оторвать взгляда от изваяния. Казалось, встретил доброго знакомого. «Кто наследовал Титу Флавию? Его брат Домициан. А Домициану? Не помню... Но где-то вскоре к власти приходит Траян. Надо посмотреть, поставлена ли уже знаменитая колонна Траяна?»

Тут он ударился спиной о нечто массивное и незыблемое. Обернулся. Уперся взглядом в гранитный постамент. Запрокинул голову. Увидел нависшие над головой конские копыта. Максим подался назад, стараясь окинуть взглядом и всадника, и коня. Золотое изваяние горело на солнце, слепило глаза. Лицо всадника невозможно было рассмотреть, Максим видел только очертания фигуры. Немного лучше обстояло дело с конской мордой: он разглядел раздувающиеся ноздри и огромные глаза. «Нет, кони Клодта непревзойденны», – постановил Максим.

Однако его больше занимал всадник. Опустив глаза, актер прочитал надпись на постаменте:

«Цезарь Флавий Домициан».

– Домициан!

Кажется, Максим воскликнул это вслух, потому что несколько человек оглянулись. Он поспешно отошел от из-

ваяния.

В мраморной ложе он видел Домициана. Грузный человек в пурпуре и золотом венце – император Домициан. В этом Максим не сомневался ни мгновения. Из сочинений Светония помнил точно: после убийства Домициана все его статуи были уничтожены.

«Значит, кончается первый век новой эры».

Максим так сосредоточился на своем открытии, что двинулся не в ту сторону. Сообразил это, лишь оказавшись на противоположном конце площади. Пospешил назад, к храму.

Ни носилок, ни сенатора, ни рабов, ни бестиария на прежнем месте не было.

Максим с необычайным проворством взбежал по ступеням, торопясь оглядеть площадь. Удаляющейся процессии не обнаружил. Искать было бессмысленно. Они могли скрыться в любом переулке.

Максим опустился на ступени. Только теперь почувствовал, что смертельно устал, голоден, задыхается от жары и умирает от жажды. Потер рукой лоб. Да, он знал точно, что находится в Риме конца первого века новой эры. Открытие не доставило радости. Почти двадцать веков отделяли его от родного дома.

Есть ли надежда вернуться? Прелегай между ним и домом тысячи километров, Максим немедленно пустился бы в путь. Как преодолеть время, он не знал.

Впервые за весь день у него появилась возможность обдумать свое положение. Один – в чужом мире. Без друзей, без денег, без крыши над головой. Языка не знает. Возможного покровителя потерял. Как выжить?

Максим разгневался. В любимых научно-фантастических романах герои отправлялись в прошлое, тщательно подготовившись. И не забывали захватить с собой Машину Времени. А его забросили на двадцать веков! Да еще прямо на арену, в пасть львам! «На роль мученика я не нанимался!»

Он возмущенно осмотрелся по сторонам. Увы, адресовать протест было некому.

Оставалось думать, как спастись.

Имени сенатора он даже не слышал. Где искать его – понятия не имел. Зато мог разыскать весталку. Максим поморщился. Просить заступничества женщины? Как-то неловко. Но другого выхода нет. «Ладно, при случае совершу для нее подвиг».

Он попытался оживить в памяти все, что слышал о Весте и весталках. Римляне почитали эту богиню превыше других. Служили ей непорочные девушки. Кажется, поддерживали в храме священный огонь. За нарушение обета безбрачия весталок ждала страшная казнь, Максим не помнил – какая именно.

«Весталки, наверное, обитают при храме. Вперед, на поиски храма Весты».

Он встал и со вздохом затянул пояс потуже. Ничего не

имел против осмотра достопримечательностей, но только – на сытый желудок. К счастью, святилище Весты отыскалось почти сразу. Маленькое, круглое, белокаменное. К дверям вели три ступени, Максим перешагнул их разом.

Двери были крепко заперты. Максим недоумевающе осмотрелся. По ступеням других храмов непрерывно снова-ли люди: в одиночку и целыми процессиями, с богатыми подношениями в руках.

К входу в святилище Весты никто не приближался. Максим безнадежно подергал тяжелое бронзовое кольцо. Двери не шелохнулись. Пробегавшие мимо девчушки остановились и как-то странно посмотрели на Максима. На его вопросительный жест (как попасть внутрь?) фыркнули и убежали.

Максим спешно ретировался: над ним так же фыркали, когда второпях ворвался вместо мужской гримерной – в женскую. Вероятно, храм Весты был запрещен для мужчин.

«Как же найти весталку?»

Помогла случайность. Он увидел, как из двухэтажного здания, стоявшего близ храма, вышла девушка, закутанная в белое покрывало, с белой повязкой на голове. Так была одета и рыженькая весталка в цирке! Вероятно, весталки жили в этом доме.

Девушка села в ожидавший ее паланкин. Небрежно махнула рукой, подавая знак рабам. Следом за паланкином поспешала вереница служанок. Прохожие почтительно расступались.

Проводив весталку взглядом, Максим решительно развернулся и направился к дверям дома весталок. Переступил порог...

На улице он оказался гораздо быстрее, чем рассчитывал. При этом вышел спиной вперед и с размаху сел на булыжную мостовую. Следом из дверей выскочили три старые мегеры. Глаза их сверкали, пальцы хищно скрючились, волосы развевались, точно змеи. Максим молча хлопал глазами. Старухи шипели. Прохожие хохотали.

Выбравшись вволю, старухи уgomонились и вернулись назад. Перед тем каждая метко плюнула святотатцу под ноги. Двери захлопнулись, и слышно было, как изнутри яростно задвинули засов. Максим поднялся, отряхнулся и побрел прочь.

Напился он из фонтана, там же умылся. Нестерпимо хотелось есть.

Он что-то читал о бесплатных раздачах беднякам, но где и как происходят раздачи, понятия не имел. Да и стыдно было протягивать руку за подаванием. «Нет, нужно придумать другое».

Близился вечер. Максим смотрел на громады розовых облаков, на порозовевшие мраморные колонны. «Лучше всего закат на Форуме описан у Сенкевича».

Стоп! Максим даже привстал. А что, если довериться классикам? Сенкевич не пожалел патоки для описания первых христиан. Может быть, они и впрямь наделены исклю-

читательными добродетелями? А если при этом обладают и толикой юмора... Кажется, их тайный знак – рыба?

Следующие полчаса Максим рисовал рыб. Обмакивал палец в воду и чертил на парапетах фонтанов. Царапал каким-то камешком на булыжниках мостовой. Изображал руками в воздухе.

Прохожие пожимали плечами и проходили мимо. Иногда останавливались и глазели, ожидая продолжения картины. Максим выбивался из сил. «Чтобы в такой толпе не нашлось ни одного христианина! Безобразие!»

Темнело. Стремительно, как и всегда на юге. Максим терял надежду, но не сдавался. И упорство его было вознаграждено. Какой-то человек неопределенных лет, с неопределенного цвета волосами и в такого же неопределенного оттенка тунике, вдруг понимающе кивнул и хлопнул Максима по плечу. Взмахнул рукой, предлагая идти следом. Максим бросил камешек, которым рисовал, и медленно распрямился. Незнакомец благожелательно улыбнулся, продемонстрировав отсутствие двух передних зубов. Дохнул винными парами.

Видя, что Максим медлит, незнакомец схватил его за руку и повлек за собой. Потрясенный обликом первого встреченного христианина, Максим не сопротивлялся. Они все глубже погружались в лабиринт узких улочек.

Максим размышлял об отрыве литературы от жизни.

Спустя несколько минут он вынужден был признать, что

напрасно усомнился в классике!

Запах рыбы чувствовался издалека. Смело можно было сказать, рыбой провонял весь квартал. Незнакомец втолкнул Максима в какую-то дверь, и сам вошел следом.

Ошибиться было невозможно. Максим попал в обычную таверну. В печи горел огонь, над большими глиняными сосудами поднимался пар. Возле печи суестились женщины, что-то помешивали, подсыпали травы. На больших сковородах жарилась рыба.

Пахло рыбой, прогорклым маслом и кислым вином.

Трепетали язычки пламени в светильниках. В полутьме видны были фигуры, расположившиеся на скамьях за длинными столами.

Нечаянный благодетель оказался не христианином, а за-всегдатаем кабака. Что-то весело объяснил хозяину, указывая на Максима. Хозяин с ног до головы оглядел Максима и потер кончик большого пальца о кончики среднего и указательного. Жест не оставлял сомнений – хозяин требовал платы вперед. Максим мгновение размышлял о древности некоторых жестов. «Если вернусь, напишу монографию».

Посмотрел на благодетеля. Благодетель посмотрел на Максима и подмигнул. Несомненно, рассчитывал поужинать за его счет. Максим вздохнул, стянул через голову театральный доспех – верхнюю тунику, разрисованную серебряными чешуйками. (Успел подметить: римские бедняки носили грубошерстные одежды, в полотняные наряды только знать

облачалась. А его туника, хоть и небрежно окрашенная, была полотняной.) Максим подал невзрачную одежонку хозяину. Тот пренебрежительно отмахнулся и случайно задел тунику рукой. Тотчас выражение лица его изменилось, пальцы хищно вцепились в протянутую одежду.

– Не сомневайся, – усмехнулся Максим, – плотно лучшей выделки.

Перемигнулся с благодетелем. Тот, несомненно, умел торговаться лучше, и вот уже они сидели за столом, уставленным всякой снедью. Здесь была жареная рыба, и вареная баранья голова, обильно приправленная чесноком и луком, и печеные орехи, и бобы, и овощи, сдобренные соусом из вина и перца, и грубый черный хлеб и, конечно, кувшин вина.

Максим налегал на еду, благодетель – на вино. При этом Максим спрашивал названия некоторых предметов, благодетель отвечал, и к концу ужина актер усвоил слов двадцать. Из-за стола они поднялись закадычными друзьями.

– Устроишь на ночлег? – спросил Максим, выразительно подкладывая руку под щеку.

Благодетель энергичным кивком дал понять, что спать еще не время. Указал на двери: «Вперед!» Заинтригованный Максим направился следом.

Уже совершенно стемнело, и Максим не представлял, в какую часть города они направляются. Благодетель явно спешил. Прибавлял и прибавлял шаг.

Вскоре Максиму показалось, что он слышит гул толпы. И

в самом деле, народу на улице становилось все больше. Благодетель неуклонно продвигался вперед, Максим старался не отставать. Через несколько минут они оказались у огромного здания, окруженного народом. Максим был уже достаточно опытен, чтобы признать в здании цирк. По всей видимости, это был тот самый Большой цирк¹³, описанный Джованьоли. Чернь ждала, когда весталки, магистраты¹⁴, сенаторы займут свои места, и двери распахнутся для остальных. Максим был сыт представлениями по горло, о чем и собирался сообщить благодетелю. Но тут он подумал, что если с Сенкевичем и христианами вышла осечка, то, может, с Джованьоли промаха не будет.

Изо всех сил работая локтями, Максим следом за благодетелем проталкивался к дверям. Двери распахнулись, и началось нечто невообразимое. «Штурм электрички воскресным вечером». Максим споткнулся, но, к счастью, устоял на ногах. В такой толчее был бы немедленно раздавлен.

Максим рвался вперед, к лучшим местам. Благодетель его опередил. Когда Максим, прыгая через две ступеньки, настиг его, благодетель лежал на скамье вниз лицом, стараясь занять как можно больше места. И получал тумаки от двух разъяренных оборванцев, метивших, бесспорно, на те же ме-

¹³ Большой цирк – древнейший и самый крупный цирк Рима, вытянутая прямоугольная арена, одна из оконечностей которой имела полукруглую форму. Длина Большого цирка 600 м, ширина – 150 м. В императорское время вмещал около 60000 зрителей.

¹⁴ Магистрат – общее название римск. должностных лиц.

ста. Благодетель держался стойко. Намертво впился в скамью, так что никакие тычки и рывки не могли сдвинуть его с места.

Максим гаркнул во все горло и ударил ближайшего обורванца по плечу. Увидев, что подоспела помощь, соперники сдались и, ворча, удалились. Благодетель приподнялся, потирая ушибленную спину. Максим уселся рядом с ним.

Сотни факелов озаряли цирк. Арена представляла собой не круг, а прямоугольник, закругленный с одного конца. Посередине тянулся длинный мраморный хребет, уставленный изваяниями, жертвенниками, высокими колоннами.

Максим искал глазами весталок, но не нашел. Либо их не было в цирке, либо сидели на противоположном конце.

Все скамьи вокруг были заняты. Вскоре появилась пара горожан. Весьма зажиточных, судя по плащам, расшитым золотом. На лицах обоих выражались досада и нетерпение. Вероятно, это были богатые вольноотпущенники, не имевшие права на почетные места, и не успевшие устроиться поближе к арене. Благодетель окликнул их и тут же, за несколько монет, уступил оба места.

Затем они с Максимом поднялись на самый верх, где собрались неудачники, не успевшие захватить или купить себе хорошие места. Благодетель, сияя – похоже, горожане проявили небывалую щедрость – разложил монеты на ладони. Максим разглядывал деньги, одобряя реализм повествования Джованьоли.

На монетах был отчеканен профиль Домициана. Благодетель, тыча заскорузлым пальцем в монеты, что-то говорил. С немалыми усилиями Максим сообразил, что самая крупная серебряная монета называется сестерций. Ей равны четыре медных асса. В свою очередь, асс равен четырем медным квадрантам, «четвертинкам».

Благодетель честно поделил выручку. Максиму достались четыре асса и еще два квадранта. Он попытался выяснить, что можно купить за один квадрант. Благодетель принялся объяснять. Разводил руками, будто плыл, размахивал кулаками, словно бился, съеживался, как от холода и томно обмахивался растопыренной пятерней, точно от жары. Затем показал, что зачерпывает полные горсти воды и выплескивает на себя.

Максим догадался. Термы! Римские бани!

На память пришла случайно прочитанная статья. Ученые, обнаружив величественные руины, спорили: это остатки дворца или храма? Оказалось, общественных бань. Перед глазами встало видение просторных залов с мозаичными полами и чашами бассейнов. Получалось, ванны с горячей и холодной водой, парилку, сады, гимнастические залы можно было получить за самую мелкую монету?!

Максим вспомнил, сколько стоит мытье в обычной районной бане, не говоря уже о сауне с бассейном. «В жизни древних римлян есть свои преимущества».

Он уже знал, где проведет следующий день. В термах.

Поблагодарил благодетеля. Тот страшно изумился, узнав, что Максим не намерен смотреть представление. Яростно жестикулируя, принялся живописать кровавые схватки, конвульсии умирающих, торжественный марш победителей... Максим остался глух к соблазну.

Состязания должны были тянуться до самого утра. Максим решил переночевать где-нибудь на ступенях храма или в садах (есть же в Риме сады?!). Благодетель, несколько раз стукнув себя в грудь, повторил:

– Тит Вибий.

Пояснил: когда солнце клонится к закату, его всегда можно найти на Форуме. Максим спросил дорогу к Форуму. Благодетель объяснил, как мог. На том и расстались.

Актер зашагал в указанном направлении. Монеты сжимал в кулаке – спрятать их было некуда. О недостатках освещения улиц говорить не приходилось. Недостатки отсутствовали вместе с освещением. Несколько раз Максим слышал крадущиеся шаги за спиной, однажды дорогу заступили какие-то люди. Максим не сбавил шага, и они попятились. В ту ночь он проникся странной уверенностью, что храним судьбой. В самом деле, судьба или рок – назови, как хочешь – забросили его почти на двадцать веков в прошлое. Наверное, не для того, чтобы прикончить в первые же сутки.

Вскоре Максим обогнул Палатинский холм (ошибиться не мог: благодетель несколько раз повторил «Палатин», к тому же, на фоне звездного неба угадывались очертания двор-

цов), улыбнувшись, прошел мимо дома весталок и храма Весты и вновь оказался на Форуме.

Не один он искал ночлега. Какие-то тени бродили среди колонн, несколько человек растянулись прямо на ступенях, накинув на голову края плащей. Максим решил последовать их примеру. Оказалось – холодно. Не доставало шерстяного плаща, в который можно было бы завернуться.

Максим поднялся и поплелся дальше, не особенно задумываясь, куда идет. Набрел на лестницу с крутыми высокими ступенями, начал подниматься. Полагал, лестница ведет на один из холмов. «Может, посчастливится наткнуться на какой-нибудь сад, или газон, или просто дерево с развилкой?» Глаза слипались. Максим споткнулся обо что-то мягкое. Взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, нечаянно разжал кулак, монеты со звоном запрыгали по ступенькам. Максим и внимания не обратил – не до того было.

На ступенях лежал человек. Лежал вниз головой, без движения. «Споткнулся в темноте, разбился?!» Максим взял его за руку. Рука была еще теплой, но пульс не прощупывался. Максим с трудом перевернул упавшего. Глаза его были открыты. На шее темнела удавка. Максим резко выпрямился. Прежде, чем успел опомниться, послышались шаги и появились солдаты.

«Что, и здесь стражи порядка поспевают сразу *после* преступления?» Солдаты оказались рядом и, не медля ни секунды, схватили Максима за руки. Его приняли за убийцу!

«Попасть в далекое прошлое – ради чего? Чтобы ответить за убийство, которого не совершал?» Такую шутку судьба могла сыграть с ним и дома.

Между тем, ни один солдат даже не наклонился, чтобы рассмотреть убитого. Похоже, они прекрасно знали, что именно здесь произошло. Вывели Максима наверх. Там, поджидая, стоял еще один воин. Судя по гребенчатому шлему – начальник. Один из солдат коротко доложил. Начальник окинул взглядом Максима, резко задал вопрос.

– Не понимаю, – признался Максим.

Солдаты переглянулись, начальник пожал плечами, удивляясь, что схватили чужеземца. Снова прозвучал короткий вопрос.

– Не понимаю, – повторил Максим.

Но именно в это мгновение – понял. «Гемонии». Слово выскочило откуда-то из глубин памяти. Он читал об этом. «Лестница рыданий». По ней стаскивали в Тибр тела казненных; частенько бросали прямо на лестнице. Оплакать казненных, тем более, похоронить – значит, заслужить подобную же участь.

Солдаты вообразили, что он оплакивал казненного преступника. Решают – какой смерти удостоить. Вот начальник пошевелил в воздухе пальцами. Сейчас повелительно взмахнет рукой. Меч со свистом вылетит из ножен...

Максим оказался проворнее. Обдумать ничего не успел. Вероятно, его вела актерская интуиция. Как-то разом вспом-

нилось, что Домициан был убит заговорщиками. Вспомнились и рассказы о том, что насильственную кончину ему предсказали.

Максим вскинул руки к звездному небу – так вскидывали жрецы и прорицатели в кинофильмах. И как будто стал выше ростом. Или это солдаты пригнулись? Простер длань в сторону Палатинского дворца. И снова взметнул ладони к небу. Поднес к глазам, точно держал в руках стеклянный шар и вглядывался в него. Бессильно уронил руки. Шар упал на землю, разлетелся в осколки.

А Максим уже не был прорицателем. Черной тенью крался он вдоль стены. Потом вытащил из-за пазухи кинжал, замахнулся. Человек с гордо запрокинутой головой медленно осел на землю...

Самый глупый из солдат не мог не понять: божественному Цезарю грозит опасность!

Измученный прорицатель едва держался на ногах. Начальник бережно подхватил его под локоть. Максим осторожно высвободил руку, распрямился. Указующий жест не оставлял сомнений. Прорицатель должен попасть на Палатин. Немедленно.

Туда и направились. Солдаты уже не были стражами, но – почетным караулом.

Максим постепенно приходил в себя. Он только что избежал смерти. Каким чудом? Вероятно, чудо именовалось «талантом». Позволив себе насладиться такими мыслями, Мак-

сим вновь сделался серьезен.

Примет ли его император? Если примет, удовольствуется ли пантомимой? Или потребует назвать имена заговорщиков? А когда не услышит имен... Не пожелает ли казнить прорицателя много изощреннее, чем это сделали бы солдаты?

И потом, неужели императора поднимут среди ночи? Разумеется, нет. Придется дожидаться утра. «Что ж, подремлю часок-другой». Однако происшествие на лестнице отогнало всякий сон. Максим чувствовал себя на диво бодрым.

Солдаты обменялись паролем с часовыми, охранявшими дворец. В их разговоре Максим уловил знакомое слово: «Центурион». Командир центурии – сотни солдат. Значит, воин в гребенчатом шлеме – центурион.

Максим невольно покивал головой. Все правильно. В постановке «Юлия Цезаря» доспехи и вооружение были именно такими. Шлем без забрала, застегивается под подбородком кожаным ремешком. (Максим где-то читал, что по мозоли от ремешка можно определить, долго ли солдат прослужил в легионах¹⁵, ветеран или новобранец.) Красная туника с короткими рукавами. Панцирь – то есть, кожаная рубаха с нашитыми на нее металлическими пластинами. Короткий меч на перевязи. Сапоги с открытыми носами. («Сандалии в Риме считаются домашними тапочками» – поучал театраль-

¹⁵ Легион – основное подразделение в армии Др. Рима. В эпоху империи насчитывал 6095 пехотинцев и 726 всадников. Срок службы солдат в легионе – 20 лет.

ный художник.)

Центурион что-то объяснил часовому. Часовой вызвал командира. Командир сделал два коротких жеста: солдатам – дожидаться на улице, Максиму с центурионом – идти следом. «Кажется, на аудиенцию к императору попасть проще, чем на прием к начальнику ЖЭКа».

Дворец Домициана был огромен и великолепен. Стражи искоса поглядывали на чужеземца – поражен ли? Максим, как и надлежит прорицателю, сохранял величавое спокойствие. После Эрмитажа да Исаакиевского собора его трудно было удивить размерами и убранством. Больше всего, пожалуй, понравились фонтаны во внутреннем дворе. Струи воды серебрились, двор словно оплели нити лунного света.

«Такие бы декорации к балету «Антоний и Клеопатра!» – размышлял Максим. – А то развесили холстину. Тоже мне, режиссерская находка!»

Покинув двор, они миновали галерею, потом – несколько залов, и перешли подземным коридором в другую часть дворца. Здесь все было меньше: и залы, и коридоры, и окруженные колоннадами дворики. Зато часовых – несравнимо больше.

Затем пришлось ждать в маленькой комнате. Максиму указали на табурет, центурион и второй командир остались стоять. Максим судорожно соображал, что скажет, точнее, покажет императору. Знал: импровизация, конечно, может выручить актера. Однажды. Чтобы не было провала, роль

нужно тщательно готовить.

Послышались шаги, голоса, двери распахнулись, и вошел невысокий жилистый человек с выгоревшей на солнце шевелюрой и такими же бесцветными глазами. Следом за ним ввалились пятеро спутников, явно разгоряченных вином и беседой. На плечах – яркие накидки, на запястьях – широкие золотые браслеты. Все пятеро громко смеялись и говорили, перебивая друг друга.

Вошедший первым сощурил глаза на Максима. Актер поднялся. Он был крайне озадачен. Вряд ли воинские доспехи, пусть даже посеребренные и украшенные богатыми рельефами, служили императору повседневной одеждой. Кроме того, император не почтил бы своим появлением незваного гостя. Напротив, потребовал бы Максима к себе.

Белобрысый, рассмотрев Максима, принялся допрашивать воинов. Вероятно, занимал высокий пост – судя по четкости и поспешности ответов.

Насколько Максим помнил, тайной полиции в Риме не существовало. За безопасность Цезаря отвечал начальник императорской гвардии. Похоже, именно его Максим и лицезрел.

Центурион прибавил еще два слова, начальник гвардии шевельнул пальцами, и спутники его безмолвно удалились. Вместо них появился раб-секретарь с табличками для письма в руках. Начальник гвардии ногой придвинул табурет, сел, облокотился о колени, опустил подбородок на перепле-

тенные пальцы. Кивнул Максиму: «Говори».

Но на месте Максима был уже граф Калиостро, каким сыграл его Нодар Мгалоблишвили в «Формуле любви». Человек со скорбными глазами провидца, познавшего все несовершенство людской породы. Временами, правда, в глазах вспыхивали насмешливые огоньки, и тогда плавно опускались тяжелые веки.

Начальник гвардии с заметным интересом подался вперед. Максим начал повествование: неторопливо, с легкой скукой бессмертного, пред чьими глазами прошли столетия, предыдущий век был похож на следующий, и в каждом люди истребляли друг друга.

Он взял в руки один из светильников. Поднял на уровень глаз – бережно, благоговейно. Оглянулся, точно слепец, нечаянно прозревший. Вознес светильник над головой, словно благодаря богов. От резкого движения язычок пламени затрепетал. Максим прижал левую руку к груди, будто сердце разрывалось от волнения. Затем приблизил светильник к губам, резко дунул. Огонек погас. Максим медленно повернулся, дрожащей рукой шаря по сторонам, показывая, что перед глазами его сомкнулся вечный мрак.

Аллегория была – ясней некуда. «Светоч может угаснуть». Счесть светочем кого-нибудь вместо императора было бы государственным преступлением.

Начальник гвардии хорошо это понял. Указал на изящные

водяные часы¹⁶: «Когда же мы ослепнем?» Максим покачал головой и меланхолически возвел глаза к потолку: «Сие от меня скрыто».

Белобрысый не унимался. Теперь его интересовало, как Максим узнал об угрозе. Максим подошел к окну и простер руку к звездному небу. В глазах белобрысого промелькнула насмешка, но губы не улыбнулись. По-видимому, он не верил в астрологию, но пропустить заговор боялся.

Смотрел на Максима, не отводя взгляда. Долго смотрел – и как-то странно. Будто пытался что-то вспомнить. Или просто не знал, на что решиться?

Максим по доброте душевной вздумал ему помочь. Кивнул на центуриона, поднял вверх один палец, потом – два, потом – четыре. Советовал увеличить императорскую охрану. Белобрысый ядовито улыбнулся: «Без тебя не догадались бы». Максим величаво повернулся. Свой долг он исполнил. Остальное – чужая забота.

Жест белобрысого означал: не спеши, не так скоро. Велев дожидаться, вышел. Удалился и секретарь.

Центурион и второй командир осмелились пошевелиться. Максим стукнул себя в грудь, назвал:

– Максим.

Вопросительно посмотрел на центуриона.

¹⁶ Водяные часы (клепсидра) – сосуд с одинаковыми отверстиями в днище и на ручке для вытекания определенного количества воды, отсчитываемого по «амфорам» (за 53 мин.) или «хоям» (за 4,5 мин.), использовался как водяные часы.

– Квинт Септимий, – ответил тот.

Максим кивнул на захлопнувшуюся за начальником гвардии дверь.

– Марк Касперий Элиан, – произнес центурион, понизив голос.

Максим запомнил.

Начальник гвардии не вернулся. Вместо него появились двое рабов и, кланяясь, пригласили Максима следовать за ними. Он повиновался и, совершив путь по каким-то галереям и коридорам, попал туда, куда и мечтал. В термы.

Разумеется, это были не императорские купальни, а скромные бани для слуг, но Максим рванулся к воде так, словно пешком одолел Сахару. Сбросил грязную одежду на пол и с головой окунулся в бассейн. Вода оказалась умеренно теплой. Вынырнув, Максим перехватил недоуменные взгляды слуг. Вероятно, перед купанием надлежало натереться маслом или согреться в парильне. Один из банщиков торопливо подал ему мыло. Да, именно мыло, только темного цвета и не слишком ароматное. Максим сумел отмыться дочи-ста. Рабы знаками объяснили, что ополоснуться следует во втором бассейне, с бодряще-холодной водой.

По суетливым движениям прислужников Максим заключил, что велено поторопиться. Его ждут.

Выйдя из бассейна, он получил чистую полотняную тунику – взгляд и обоняние императора ничто не должно было оскорбить.

Максима вновь повели наверх, где его встретил смуглый невысокий человечек. Вместе они прошли мимо расступившихся часовых и оказались в покоях, украшенных янтарем и перламутром, жемчугом и слоновой костью. Миновали несколько пустых комнат, остановились возле занавесей, из-под которых струились потоки света. Провожатый откинул занавесь и подтолкнул Максима вперед.

В комнате, кроме известного уже Максиму Касперия Элиана, находился только один человек. Почтительная поза начальника гвардии не оставляла сомнения в том, что человек этот – император. Максим невольно себя поздравил. Первые сутки в чужом мире – и уже беседует с властителем.

Он видел императора в цирке, но хорошенько рассмотреть не успел. Не сомневался, что и Домициан его не узнает: грим смыт, одежда другая. «К лучшему. А то прорицатель и гладиатор в одном лице – смесь небывалая, вызовет недоверие».

С любопытством он взглянул на повелителя империи.

Максим понятия не имел, в каком возрасте погиб Домициан, но почему-то воображал императора дряхлым старцем. Сидевший же перед ним мужчина был немногим старше сорока лет. Грузный, с худым лицом, обрамленным редющими волосами. С приторной улыбкой на губах, с капризным, подозрительным взглядом.

Облачен Домициан был в длинную пурпурную тунику и белую тогу. «Не похоже, что императора внезапно разбуди-

ли. Скорее всего, вернулся из цирка, с ночного представления».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.